

МОЛИТВА НА МОГИЛЕ БОГОМАТЕРИ

Все, Мария, я сделал, как научили:
свечку зажег и поставил — и попросил о прощении,
встал на колени на коврик потертый. Глаза остыли.
слезы сглотнул — без них все равно плачевней.
Все, Пречистая, сделал я, как подсказали:
руки омыл и лицо из Твоего колодца.
Правда, вода была воплощена в металле:
нажмешь на кнопку — и благодать прольется.
Не было мне знамения, Богородица Пресвятая,
ничто не открылось душе, что было сокровенно.
Птаха в мандариновой роще что-то там просвистала
на влажных Твоих серпантинах под колесами ситроена.
Все, Богоматерь, я сделал — и крестик купил у турка,
правда, к нему прибавил ятаган двуострый —
эфес у него эфесский, на таможене придется туго,
но таможня и горняя сфера — родные сестры.
Все я сделал, Марьям-Ана, в этот вечер,
хадж свой, убогий духом, у могилы Твоей завершая,
и если на зов ответить мне больше нечем,
то, значит, дошел и я до предела, до края.

Я всё это вижу, и спокоен при этом,
по фигу мне, что будет со мной и страную.
Что ж так больно мне, будто Тебя я предал?
Холодно, грустно, стыдно — но не пред Тобой одною.
Матерям, чьи могилы разбросаны по вселенной,
трудней, чем их детям, чьи могилы они потеряли.

Турецко-греческий ветер, непримиримо соленый,
воплощается молча в ветхом мемориале,
но сирота все ищет отца — и Отца обретает,
и ноша мира, взваленная на хрупкие плечи,
как эти масляные листья, не облетает,
вечнозеленая.
И матерям — не легче.

СОNET

Салижану Джигитову

Чадящие лики шумера,
берцовые кости омара
хайама. Царица тамара
с котлом. Юрты горняя сфера.

Гомеровская химера —
осенним распадком отара,
окутана облаком пара,
грядет, словно высшая мера.

Все это — киргизская лира,
сплав бедного палеолита
с латиницею алфавита,

оплеванная пальмира,
где в зеркале видно полмира,
а прочее — смертно и скрыто.

НЕЧТО ЖИЗНЕОПИСАТЕЛЬНОЕ

Сакский крым. Домики немецкие.
Братья Гримм. Сёстры Каменецкие.
Белый бант. Школьницы советские.
Ницше. Кант. Сёстры Каменецкие.
Залпы – пли! – университетские:
Вы-рос-ли сёстры Каменецкие.
Юный строй, корпуса кадетские –
Век-герой, сёстры Каменецкие.
Гулко мчат вёрсты молодецкие –
Дым и чад, сёстры Каменецкие.
За окном – пляски половецкие.
Мир вверх дном, сёстры Каменецкие.
Пой, якут, эпосы ненецкие! –
Пишут труд сёстры Каменецкие.
Гибель! Бред! Головы стрелецкие,
Тихий бренд – сёстры Каменецкие.
Век – ушёл. Дни – орехи грецкие:
Щёлк да щёлк, сёстры Каменецкие.
Даль мертва. Кодлы люберецкие.
Брат. Брат-2. Сёстры Каменецкие.
Лёг Бейрут в рельсы павелецкие:
Берег крут, сёстры Каменецкие.
Дух и плоть, дочери неотецкие –
Глянь, Господь: сёстры Каменецкие.
Лей-налей – льются слёзы детские:
Ве-се-лей, сёстры Каменецкие!..

ГОРАЦИЙ. EXEGI MONUMENTUM

Памяти переводчиков эпоха

Мы — памятник. Вокруг — эпох слепая плоть,
гранит чумной гордыни, гений грубой бронзы.
Сквозь камнепад времён — поэзии и прозы
мгновенный вечен вздох. И ведаёт Господь:

не ранее, чем голос книжного значка
всё скажет со страниц про власть, и брань, и славу,
страстей неисчислимых огненную лаву,
не прежде мы умрём. И секретарь ЦК

с дельфийской службой обозначат гонорар
безродным иммигрантам местного Востока.
Где прокатился вал взбешённого потока,
где кочевал Манас, растрачивая дар,

мы спели первыми силлабы дымных Трой —
но эолийским слогом русского домена.
Арчовой веточкой горящей, Мельпомена,
нас, вечных, помяни, беспамятством укрой...

ПОРТРЕТ БЕЗ ГЕРОЯ

Бывал он оболган, обруган, обрыган
и все же прекрасен, как лыжник Цурбригген,
когда он летит по слаломной стерне,
но все это позже, а раньше он все же
был всех синеглазей и многих моложе
и жил, все задачки решая вчерне.
Те самые шестидесятые годы —

при них пресловутая рифма «свободы» —
для нас были утром и горьким питьем,
однако же время вспомянет не каждых,
и если всплывает в нем мой однокашник,
то что-то сломалось в сознание моем.

Эпоха застоя творилась, однако
мы прежде ее в коридорах филфака
прошли как науку: ладья + весло,
друг друга забыли легко и надежно,
как только друг друга забыть лишь возможно:
хоть в этом всем нам безупречно везло.

Он спился, но синие очи не меркли,
он жил в кабаке на Дзержинке — навек ли? —
и впрямь тот бардак в одночасье снесли.
Страна велика — наказание иль праздник? —
и просто — уехать от мыслей напрасных,
и вот его след затерялся вдали.

И кровью он харкал в оленьем загоне,
разбился и вновь возродился в законе,
шестерки клялись, что его уже нет —
пристрелен, задушен, в парламенте, в зоне.
А может, все дело в огне? — но огонь не
хотел разгораться в беспамятстве лет.

Одна только сильно о нем тосковала
и адрес — как только смогла? — раскопала,
а, впрочем, ее интерес объясним,
она, напоследок сошедшая с круга,
уехала в страны, где он лишь да вьюга,
уехала молча — и стинула с ним.

Немало друзей мы потом хоронили,
единой слезинки не уронили —
кто выдохся, кто задохнуться успел.

И в этом привычно вершащемся горе
все видится, вещее, в дантовском хоре

разъятие душ в средостениях тел.
...Однако на этом мы точки не ставим -
ожившего выжившим прочим представим,
прославив при этом курортный сезон:
он ожил — поблек и считать научился,
вернулся, прижился, зашился, женился.
Но лыжник погас, лишь на выдохе — склон..
...Вновь сгинул! И лопнули жилы в госстрахе,
он глотку в ночи перегрыз росомахе,
он ханку возил в бензобаке ямахи,
его отловили, как лоха, монахи
и вновь подыхал он в дерьме и во прахе
от мамы-тайги до британских морей,
и скрюченной шеей он дергал на плахе,
и кровью мочился, и мучился в страхе,
и снова бежал во вселенском размахе
вселенской страны, что не стала добрей.
...Куда же пропал ты под ветер-борей,
где кости твои в темноте декабрей?..

ИЛИАДА

Толпа с толпой на холмном пяточке
обиду делят. Тут как тут и боги.
Слепой старик трясется по дороге
на ослике. Суда стоят в реке.

Стоп-кадр истории — невдалеке
от наших гроз, прогрохотавших в смоге:
с десяток странствий тягостных в итоге,
с десяток ЭДД на мертвом языке.

Ахилл, санташский кряж преодолев,
над телом Гектора стоит, как лев.

Скамандр к тяньшаньским елям угорело

струит волну. Осел, на склоне дня
везущий безымянного гомера, —
выносливей троянского коня.

ТРАМВАЙ

О, если бы и мне найти страну...

Н. Гумилев

то был безумный год и ночи заглянули
под тенишевский свод и в окна annenschule
то был голодный год и снова к изголовью
лёд вечных невских вод пришел окрашен кровью
таился петроград дрожали колоннады
под тягостный раскат крондштатской канонады
и в этой тишине и в этом адском громе
на рельсовой лыжне цвели тюльпаны крови
и некто добр и млад шептал чужое слово
провидя жизни сад в зрачках у гумилева
так больно, так темно куда же солнце делось
заклеено окно пространств оцепенелость
не вспомнит мир живых и юных дней остаток
осадок мутный их в годах восьмидесятых
тот свет, тот бред, тот страх — всему дано остаться
ожить и сжечь глаза безумца или старца
мятежный бастион юдоль пороховая
и одинокий звон заблудшего Трамвая
его бездумный бег в объятья пешехода
зане безлунный век короче дня и года

зане безумный знак разверзшегося неба
нам явлен — алый стяг как средоточье гнева
что вывело его на вымершие веси —
чумное торжество? воронье поднебесье?
куда его несло корабль без рулевого
в горящее жерло восстанья рокового?
истаявших времен черты бледны и кратки
Трамвая смертный звон мгновений отпечатки
так распахни же грудь — дарован мир оливам.
и рельсов крестный путь по ржавым перспективам
уже видна едва растоптанная сталью
бессмертная нева с ее бессмертной далью
и росчерк на стене руки судьбы не знавшей
о если бы и мне найти страну — писавшей
и сумерки теплы и старость одинока
но слышен глас из мглы назвавший имя Бога
мёд из горящих сот с десятков слов нетленных
молебен не сочтет безвинно убиенных
ушедшие под лед восшедшие в безлюдье
забыли этот год оплавлены орудья
прикрой глаза рукой просвечивает веко
путь тот же — да иной
длиной
в мгновенье века.

МЕРАНИ

«Друг мой, ровесник, в чёрную хмарь рвёшься, Мерани,
Ворон дорогу сглазит нам, тварь — сдаст нас охране.
Век не слышать ихних сирен тяжкого воя,
Тонет наш плен у этих стен в храпе конвоя...»

«Сердце погладят жёсткие пальцы, ржавые рельсы сказку расскажут,
Думал, взлетишь — и жизнь распахнётся? Только зевни — о камни размажет.
Крылья раскинешь — пулю заманишь, нет в мире правды, нет и не надо,
Выдохся беглый — конный ли, пеший: тропа на волю — дорога ада...»

«Сколько здесь нас поцелуй промедола молча отправил в яму забвенья,
В сладкий побег, в сон без подъёма, без пробужденья, без сожаленья.
Мертвая пустошь — имя детдому, память точили — как нас учили,
В форточке звёзды, всё — по-другому, а уходили — не различили...»

«Длинный разбег волны морской... Ты видел море?
Там чаек крик, там Божий лик, там нету горя,
Там не слышать здешних сирен тяжкого воя,
Тонет наш плен у этих стен в храпе конвоя...»

«Детство забылось, сердце забилось! — даже и в этом каждый обманут,
Если не выследили живого, то и в могиле шарить не станут,
Да и не выбьет скорбно железо свежей утраты имя на камне —
Только во сне родное подворье видеть придётся издалека мне...»

«Судьбе назло время пришло на всё решиться:
Что суждено — пусть всё равно сразу свершится.
Беги, пока нам не слышать хриплой сирены,
Пока судьбу прячут в гробу старые стены!..»

«Там факелами чадит наша зона, ливень кислотный жизнь заливает,
Там паханы цацки смывают, там вертухаи кружки сдвигают,
Птички поют вороньего цвета, вохра волыны чистит заранее.
Если уходишь — забудь про это! Не останавливайся, Мерани!..»

«Да, мы на волю тропу торили — путь ненадёжный, трудный, кровавый! —
Тем же, кто вслед нам в камере плакал, но не прельстился пулей и славой,
Пусть повстречается добрая фея, из земляники варенья наварит,
Утром разбудит, хлебом накормит, кровь отстирает, паспорт подарит...»

«Друг мой, ровесник, в чёрную хмарь рвёшься, Мерани,
Ворон дорогу сглазит нам, тварь — сдаст нас охране.
Век не слышать ихних сирен тяжкого воя,
Тонет наш плен у этих стен в храпе конвоя...»

***

детство огромное одиночество в маленьком городке
лиц переклички и клички без отчества в памяти накоротке
песни казачьи язычество ёрничество девичий смех вдалеке
творчества золотое затворничество утро синица в руке
юное непобедимое зодчество будущим хищным обглодано дочиста
слово предлог и глагол и наречие ликованье воды в арыке
гор безначальное надчеловечие на неземном языке
отрочество то бишь первопроходчество
иго несбыточного пророчества
след на песке